

Халхин-Гол — объединяющий фактор истории России и Монголии

*Лариса Будаевна Жабаета*¹

¹ Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления (стр. 1, д. 40 В, ул. Ключевская, 670013 Улан-Удэ, Российская Федерация)

доктор исторических наук, профессор

© КалмНЦ РАН, 2020

© Жабаета Л. Б., 2020

Аннотация. Цель статьи — дать характеристику развития российско-монгольского сотрудничества в такой важной сфере, как военная, развернувшегося в 1930-е гг. в условиях осложнения международной обстановки, вызванных открытой агрессией со стороны милитаристской Японии. Работа основана на данных сборников документов и материалах Российского государственного архива социально-политической истории. Показано, что в результате резкого обострения международной обстановки на Дальнем Востоке в начале 1930-х гг. из-за японской агрессии в Китае, создания на границах России и Монголии марионеточного государства Маньчжоу-Го и возникновения прямой угрозы для Монголии и советских территорий активизировалась политическая и военная интеграция обеих стран. В степях Монголии в сражениях на Халхин-Голе за свободу монгольского народа происходило становление Г. К. Жукова как великого полководца, под единым командованием которого осуществлялось эффективное взаимодействие советско-монгольских воинских частей, был обретен ценный опыт боевых действий войск коалиционного состава.

Ключевые слова: международная напряженность, агрессия Японии, СССР, Монголия, военное сотрудничество, Халхин-Гол, Г. К. Жуков, военные советники

Благодарность. Материалы статьи апробированы на Международной научной онлайн-конференции «Монголоведение в начале XXI в.: современное состояние и перспективы развития – II», проведенной при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-09-22004) и частичной поддержке гранта Правительства РФ (№ 075-15-2019-1879).

Для цитирования: Жабаета Л. Б. Халхин-Гол — объединяющий фактор истории России и Монголии // Desertum Magnum: studia historica. 2020. № 1. С. 86–95. DOI: 10.22162/2712-8431-2020-9-1-86-95

UDC 355.48

DOI: 10.22162/2712-8431-2020-9-1-86-95

Khalkhin Gol — a Unifying Factor in the History of Russia and Mongolia

*Larisa B. Zhabaeva*¹

¹ East Siberia State University of Technology and Management
(build. 1, 40 V, Klyuchevskaya str., Ulan-Ude 670013, Russian Federation)
Dr. Sc. (History), Professor

© KalmSC RAS, 2020

© Zhabaeva L. B., 2020

Abstract. The goal of the article is to define the development of the Russian-Mongolian collaboration in such an important sector as military that started in 1930s amidst the complication of the international situation brought about by the open aggression of the military Japan. The study is based on data from collection of documents and the materials of the Russian State Archive of Social-Political History. The research showed that the political and military integration was activated as a result of the marked aggravation of the international situation in the Far East at the beginning of the 1930s due to the Japanese aggression in China, the establishment of the marionette state Mandzhou-Go at the borders of Russia and Mongolia and the emergence of the direct threat to Mongolia and the Soviet territories. It was in the Mongolian steppes, in the Khalkhin-Gol battles for freedom of the Mongolian people where the becoming of the general G.K. Zhukov occurred. Under his command there was an effective interaction of Soviet-Mongolian military units that led to gaining a valuable experience in the allied forces combat.

Keywords: international tension, Japanese aggression, USSR, Mongolia, military collaboration, Khalkhin-Gol, G.K. Zhukov, military adviser

Acknowledgement. The article was presented at the international scientific online conference “Mongolian Studies at the beginning of the 21st century: Current State and Development Prospects – II”, held with the financial support of RFBR (project № 20-09-22004) and partial support of the Russian Government Grant (№ 075-15-2019-1879).

For citation: Zhabaeva L. B. Khalkhin Gol — a Unifying Factor in the History of Russia and Mongolia. In: Desertum Magnum: studia historica. 2020. № 1. Pp. 86–95. DOI: 10.22162/2712-8431-2020-9-1-86-95

В начале 1930-х гг. международная ситуация на Дальнем Востоке резко обострилась в связи с агрессивными действиями со стороны милитаристской Японии, оккупацией ею значительной части территории Китая, создания марионеточного государства Маньчжоу-Го, просуществовавшего с марта 1932 г. по август 1945 г., куда вошли часть земель Внутренней Монголии, Барга и Маньчжурия. Доминирование Японии в Восточной Азии создало реальную опасность для Монголии, дальневосточных территорий советской державы, что привело к сближению внешнеполитических интересов обеих стран, установлению более глубоких, разносторонних и тесных связей в советско-монгольском сотрудничестве. Надежды Монголии на сохранение своего статуса как самостоятельного государства были связаны с Россией. Советское руководство предпринимало шаги к всестороннему развитию Монгольской народной республики (далее — МНР), особую значимость приобретали меры по улучшению обороноспособности страны: укреплению монгольской армии вооружением, снаряжением, военно-хозяйственным имуществом, ускорению процесса подготовки военных кадров.

Военные действия, развернувшиеся в степях Монголии в мае – сентябре 1939 г., когда СССР и Монголия совместными усилиями отразили нападение милитаристской Японии, отстаивали независимость страны, целостность территории, спасли монгольский народ от угрозы японского порабощения, являются чрезвычайно важными в истории наших стран. Такие сражения, когда народы воюют в составе коалиции, отстаивая независимость той или иной страны, не только остаются в народной памяти, но и вызывают повышенный интерес у потомков. Особенно важно говорить и писать об этих событиях в настоящее время, когда происходят попытки искажения истории, подмены ценностных ориентиров.

Суровым испытанием для СССР в XX в. стала Великая Отечественная война, которой предшествовало военное столкновение в степях Монголии на Халхин-Голе с империалистической Японией, проходившее с 11 мая по 16 сентября 1939 г. Сильный, хорошо подготовленный противник напал на дружественную Монголию; ее государственность, целостность территории оказались под реальной угрозой. В зарубежной историографии события на Халхин-Голе либо вообще не фигурируют (замалчиваются), либо скупно формулируются как «инцидент у Номон-хан» (по названию приграничной горы) [Юрковский, Сараев 2019: 204]. В ряде источников в западной литературе фигурирует категория «изолированная военная акция» [Юрковский, Сараев 2019: 204]. В Японии с самого начала после разгрома на Халхин-Голе «существовала попытка снизить значение этой битвы, не признать ее результатов, списать на авантюризм военных клик. Ведь уже в сентябре 1939 г. вышли приказы

японского командования, пытающегося представить события как недо-
разумение» [Базаров 2009: 5].

Отметим, что еще в 1920-е гг. военное ведомство Японии изучало территорию региона, вело в Монголии разведывательные работы под видом научных, торговых и других дел. К примеру, 17 мая 1925 г. на территории МНР пограничным постом была задержана группа из 13 членов экспедиции и 15 рабочих-китайцев под руководством Енде-Жуген, командированного обществом Южно-Маньчжурской железной дороги, также в числе задержанных были два человека, командированные японскими военными властями: первый — Такасита, командированный Главным Штабом Военного министерства Японии из Токио и второй — Окояма, направленный Штабом дивизии, расположенным в г. Порт-Артуре [Монголия в документах 2019: 97–98]. По изъятым документам и показаниям самих членов экспедиции были установлены ее задачи по обследованию таких территорий, как Китай, Внутренняя и Внешняя Монголия, Маньчжурия. По МНР группа должна была собрать информацию по 24 вопросам. Первый вопрос был сформулирован следующим образом: «Обследовать местность Монголии и сличить имеющиеся у экспедиции географические карты с действительностью» [Монголия в документах 2019: 98]. Как видим, Квантунская армия строила планы относительно монгольских территорий, перед экспедицией было поставлено много вопросов, связанных с социально-экономическим состоянием страны. При этом японцев интересовало все, они стремились «выяснить торгово-промышленное состояние Монголии... количество имеющихся фирм... богатство Монгольской Республики... через какие местности проходит железная дорога, состояние дороги и складов на ней... экономический быт монгольского народа... состояние транспорта для передвижения грузов... какие имеются фабрики и заводы... площадь посевов... количество населения... лесные богатства... горные богатства... общее количество скота... рыбное богатство... состояние городов» [Монголия в документах 2019: 98–99]. Также группа должна была получить и доставить информацию о структуре государственных органов МНР, существующих законах, о том, какие деньги, векселя, акции имеют хождение на территории республики, каково состояние бывших привилегированных слоев и их влияние на общество, о климатических условиях, иностранном влиянии, международных отношениях страны. Как видим, военные силы собирали подробную, всестороннюю информация о МНР.

В 1931 г. Квантунская армия вторглась в Северо-Восточный Китай, где в 1932 г. было образовано марионеточное государство Маньчжоу-Го. Именно здесь происходило быстрое усиление военной мощи, была создана система укрепленных районов. В 1937 г. японская агрессия распространилась на другие районы Китая.

Появление у границ Монголии СССР сильного, экономически развитого, тщательно подготовленного противника, пытающего реализовать широкомасштабные, далеко идущие экспансионистские цели в отношении СССР и МНР, создало напряженность. Агрессивные действия Японии имели целью не только проверить крепость монгольской границы, силу оружия и слаженность взаимодействия советских и монгольских войск, но в дальнейшем, с захватом монгольской территории, овладеть Забайкальем и Дальним Востоком. «В начале 1930-х гг. по данным советской военной разведки, против Забайкалья, на Благовещенском направлении, против Приморья, в Южной Маньчжурии, Жэхэ и Корею, японцы сосредоточили 4 пехотных дивизии, 1 пехотную и 2 кавалерийские бригады общей численностью 94 тыс. человек» [Шагов 2019: 185].

Монгольское правительство укрепляло свои вооруженные силы, увеличивало бюджет, расходуемый на армию, осознавая, что это является зоной жизненно важных интересов страны, направленной на защиту национальной безопасности. При этом правительство понимало отчаянные обстоятельства существования своего государства: ни одна страна, кроме СССР, не признавала МНР как самостоятельное государство, правительство было заинтересовано в поддержке со стороны советской страны. Отметим, что военная мощь, ресурсные, экономические, технологические, кадровые возможности СССР эффективно развивались, что позволяло монголам возлагать серьезные надежды на помощь со стороны Советского Союза в сохранении своей государственности.

Советско-монгольские отношения в 1930-е гг. переходили в разряд особо важных. На заседаниях Политбюро регулярно обсуждались вопросы, связанные с Монголией, анализировались возможности более тесного сотрудничества в области безопасности, разворачивалась более тесная политическая и военная интеграция, принимались программы практических действий. Руководство СССР реалистично оценивало военно-экономический потенциал Монголии. Постановлением Политбюро ЦК ВКП (б) от 8 марта 1933 г. были приняты решения по обеспечению Монгольской народной революционной армии (далее — МНРА) вооружением, снаряжением, товарами широкого потребления и продовольствием, горючим и военными кадрами [Российско-монгольское военное сотрудничество 2008: 287].

С июля по ноябрь 1935 г. на станции Маньчжурия проходила монголо-японо-маньчжурская конференция, на которой обсуждались территориальные претензии со стороны Маньчжоу-Го к Монголии, было проведено несколько раундов переговоров (21 заседание). В целом конференция не дала положительных результатов [История Монголии. 2007: 101]. Напряженность нарастала: в приграничных обсуждаемых зонах появлялись вооруженные отряды. Японское командование стягивало крупные

силы — пехотные, кавалерийские дивизии, авиационные, артиллерийские, танковые части — к границам МНР.

Осенью 1937 г. в Монголию были введены советские войска в составе 57-го Особого корпуса Красной армии под командованием Н. В. Фекленко, в соответствии с Протоколом о взаимной помощи между Монголией и СССР от 12 марта 1936 г. Присутствие вооруженных сил СССР, жизненно важного партнера, было гарантом безопасности Монголии.

11 мая 1939 г. японо-маньчжурские части вторглись на территорию МНР, атаковали монгольскую пограничную заставу в районе реки Халхин-Гол и продвинулись вглубь территории на несколько километров. Этот плацдарм был удобен японцам в транспортном отношении для переброски и обеспечения своих войск всем необходимым, так как ближайшая железнодорожная станция была удалена всего на 60 километров, рядом была близость двух маньчжурских железнодорожных линий, грунтовых дорог, идущих со стороны Хайлара.

Завязались бои. Так начались боевые действия, которые продлились более четырех месяцев. К концу мая совместными действиями 57-го Особого корпуса Красной армии и частей Монгольской народно-революционной армии враг был отброшен к границе, но напряженность не спала. Надо сказать, что к началу боевых действий сколько-нибудь значительных сил монгольской армии вблизи границы не было. Не было здесь и находившихся в Монголии советских войск, которые дислоцировались от Халхин-Гола на расстоянии от 150 до 1 200 километров. [Ежов 2019: 66]. Природные условия данного участка были невероятно сложны: голые, безлюдные и безводные степи, сыпучие пески, котловины и барханы, отсутствие путей сообщения, топливных ресурсов, удаленность от железнодорожной магистрали — ближайшая станция Борзя находилась от Халхин-Гола в 750 километров.

Наркоматом обороны СССР в район боевых действий был командирован комдив Г. К. Жуков. По его мнению, «все говорило о том, что это не пограничный конфликт, что японцы не отказались от своих агрессивных целей в отношении Советского Дальнего Востока и МНР и что надо ждать в ближайшее время действий более широкого масштаба» [Жуков 1988: 193]. При этом «теми силами, которыми располагал наш 57-й Особый корпус в МНР, пресечь японскую военную авантюру будет невозможно, особенно если начнутся одновременно активные действия в других районах и с других направлений» [Жуков 1988: 193, 194]. Г. К. Жуков считал необходимым «прочно удерживать плацдарм на правом берегу Халхин-Гола и одновременно подготовить контрудар» [Жуков 1988: 194] по неприятелю, предварительно значительно укрепив группировку советских войск, о чем он сообщил в донесении наркому

обороны К. Е. Ворошилову, который согласился с намеченными действиями и назначил его командующим 57-м Особым корпусом. Именно здесь в монгольских степях, в боях за свободу и независимость монгольского народа происходило становление выдающегося полководца. Суть его выдающегося полководческого дара состояла «в творчестве, новаторстве, оригинальности, а, следовательно, в неожиданности решений и действий для противника» [Гареев 2010: 10]. «В течение двух-трех недель ему удалось коренным образом изменить положение дел в войсках, навести порядок, повысить организованность и дисциплину, исполнительность» [Ежов 2019: 69].

Решением Политбюро ЦК ВКП (б) от 14 июля 1939 г. были утверждены штаты инструкторов РККА в частях МНРА, ассигнованы денежные средства в сумме 2 464 669 руб. 80 коп. (1 875 700 тугриков) для выплаты содержания инструкторов РККА в 1939 г. [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 25. Л. 107].

Таблица 1. Штат инструкторов и специалистов Рабоче-крестьянской Красной Армии, работающих в Монгольской народной революционной армии [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 25. Л. 129]

№ п/п	Наименование должности	Число людей
1.	Военный советник	1
2.	Инструктор штаба армии, корпуса, отделов штаба армии, дивизии, штаба дивизии, полков, бронедивизионов, бр[оне]бригады, родов войск, служб и ОВУ*	71
3.	Инструктор штаба полка, эскадрона	230
4.	Инструктор взвода (мл[адший] начсостав срочной и сверхсрочной службы)	416
Политсостав		
5.	Главный инструктор ПУРа**	1
6.	Политинструктор ПУРа, ОВУ, дивизии, полка, дивизиона	44
7.	Политинструктор эскадрона, мастерской, инструктор политпросветимущества	138
Адмхозсостав		
8.	Инструктор снабжения армии, инструктор отд[ела] Управления снабжения, инструктор снабжения дивизии, бригады, ОВУ	11
	Инструктор — снабжения полка	17
	Инструктор — повар	19

* ОВУ — Объединенное военное училище.

** ПУР — Политическое управление.

Продолжение таблицы 1

	Медсостав	
11.	Врач дивизии, полка, госпитальный врач	39
12.	Лекарский помощник	17
	Ветсостав	
13.	Вет[еринарный] врач дивизии, полка, школы лаборатории	10
14.	Вет[еринарный] фельдшер	22
	Техсостав	
15.	Инженер по эксплуатации мастерских, авиаполка, бр[оне] бригады	8
16.	Авиатехники, автотехники, метеорологи, техник по вооружению, техник мастерской	56
17.	Младшие специалисты	19
18.	Вольнонаемные: портные, электромонтеры, слесаря, плотники, сапожники, шорники	16

Данные таблицы свидетельствуют, что численность советского инструкторского состава в Монгольской народно-революционной армии составляла в 1939 г. 718 человек. Инструкторы участвовали в повышении боеспособности монгольской армии, подготовке командных кадров, помогали военнослужащим в овладении боевой техникой. Их содержание брала на себя советская сторона, как и остальных специалистов, которых насчитывалось 417 человек: 183 политработника, 47 специалистов административно-хозяйственной части, 56 представителей медицинской и 32 — ветеринарной служб, 99 работников технических служб.

В ходе военных действий на Халхин-Голе был накоплен ценный опыт взаимодействия РККА и МНРА. Части монгольской армии принимали участие во всех боях. «Монгольские войска, действовавшие в районе реки Хилхин-Гол, хорошо взаимодействовали с советскими войсками» [Жуков 1988: 215]. Хотя, конечно, не просто было кочевникам-скотоводам, не воевавшим несколько столетий, стать современными воинами, владеющими боевой техникой.

В середине июля 57-й Особый корпус был развернут в 1-ю армейскую группу, под командованием Г. К. Жукова находилось «57 тыс. человек, 542 орудия и миномета, около 500 танков, 385 бронемашин, с воздуха их прикрывали 515 самолетов» [Божедомов 2019: 47]. Монголия выдвинула три кавалерийские дивизии (4 800 человек) под командованием Х. Чойбалсана [Божедомов 2019: 47]. Отметим, что маршал Х. Чойбалсан выезжал на фронт дважды: в июне и августе, непосредственное оперативное командование осуществляли в мае — июне заместитель главкома Ц. Лувсандоной (арестован 1 июля), а в июле и август-

те — заместитель главкома Ж. Лхагвасурэн [Рошин 2005: 115], который проводил «большую творческую работу» [Жуков 1988: 216].

Японские войска к 10 августа были сведены в 6-ю армию под командованием генерала О. Риппо (75 тысяч человек, 500 орудий, 182 танка), которую поддерживали свыше 300 самолетов [Божедомов 2019: 47]. Цифры свидетельствуют, что на советской стороне было обеспечено преимущество в танках, самолетах. 20 августа 1939 г. Г. К. Жуков организовал мощный удар всеми родами войск, что обеспечило полный разгром Квантунской армии к концу месяца.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в обострение в начале 1930-х гг. международной обстановки на Дальнем Востоке, вызванное агрессивной политикой милитаристской Японии, появление у границ Монголии, СССР мощного противника, открытая военная экспансия японского милитаризма обусловили сближение внешнеполитических интересов СССР и МНР. Советский Союз занял мудрую и твердую позицию — помочь дружественной Монголии, которая приняла ключевое решение связать свою судьбу с Россией, к этому подвигали интересы ее национальной безопасности, историческая память, практика сложившихся дружественных отношений. СССР, уважая независимый статус Монголии как национального государства, оказывал ей политическую поддержку, финансовое содействие. Обе страны все более активно и тесно взаимодействовали в военно-политической области.

В соответствии с Протоколом о взаимной помощи, подписанном СССР и МНР 12 марта 1936 г., в Монголию был введен ограниченный контингент советских войск. Присутствие вооруженных сил СССР, жизненно важного партнера, являлось гарантом безопасности Монголии. Отражение агрессии японских империалистов советскими и монгольскими войсками на Халхин-Голе в 1939 г., буквально накануне второй мировой войны, имел глубокие последствия, заставил Японию считаться с военной мощью СССР на Дальнем Востоке, оказал прямое воздействие на стратегические и тактические шаги японского правительства.

Совместная победа — чрезвычайно важная страница в истории межгосударственного сотрудничества России и Монголии, свидетельство дружбы, братской поддержки России в трудный период отстаивания суверенитета, территориальной целостности монгольского государства. Российско-монгольское боевое содружество показало всему миру сплоченность группировки войск коалиционного состава, умение согласованно вести сложные боевые действия с массированным применением современной техники (танков, самолетов, бронемашин, моторизованной пехоты, артиллерии), умение вести наступательные операции в трудных условиях пустынно-степной местности. Опыт коалиционного взаимодействия советских и монгольских войск под руководством Г. К. Жукова

был также успешно использован в августе 1945 г. при разгроме общего врага — Квантунской армии.

Источники и литература

Базаров 2009 — *Базаров Б. В.* Битва на реке Халхин-Гол: исторический опыт и уроки 1930-х годов // Бурятия. 2009. 27 авг. С. 5.

Божедомов 2019 — *Божедомов Б. А.* Особенности военного искусства Красной Армии в вооруженном конфликте на реке Халхин-Гол // Халхын Голын дайн — 80 жил. Олон улсын эрдэм шинжилгээний хурлын эмхэтгэл (= Боям на Халхин-голе — 80 лет: мат-лы междунар. науч. конф.). Улаанбаатар: ҮБХИС-ийн хэвлэх үйлдвэрт хэвлэв, 2019. С. 46–51.

Гареев 2010 — *Гареев М. А.* Военное искусство маршала Жукова // Монголия сегодня. 2010. 5 мая. С. 10.

Ежов 2019 — *Ежов О. В.* Г. К. Жуков во главе группировки советско-монгольских войск в период вооруженного конфликта в районе реки Халхин-Гол. Рождение полководца // Халхын Голын дайн — 80 жил. Олон улсын эрдэм шинжилгээний хурлын эмхэтгэл (= Боям на Халхин-голе — 80 лет: мат-лы междунар. науч. конф.). Улаанбаатар: ҮБХИС-ийн хэвлэх үйлдвэрт хэвлэв, 2019. С. 66–78.

Жуков 1988 — *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления: в 3 т. Т. 1. 9-е изд. М.: Изд-во Агенства печати Новости, 1988. 303 с.

История Монголии 2007 — История Монголии. XX век. М.: ИВ РАН, 2007. 448 с.

Монголия в документах 2019 — Монголия в документах из архивов ФСБ России (1922–1936 гг.): сб. док. / науч. ред. В. В. Наумкин; отв. ред. К. В. Орлова, В. В. Грайворонский. М.: ИВ РАН, 2019. 528 с.

РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории.

Российско-монгольское военное сотрудничество 2008 — Российско-монгольское военное сотрудничество (1911–1946): сб. док.: в 2 ч. Ч. I. М.; Улан-Удэ: ФГОУ ВПО ВСГАКИ, 2008. 349 с.

Роцин 2005 — *Роцин С. К.* Маршал Монголии Х. Чойбалсан. Штрихи биографии. М.: ИВ РАН, 2005. 160 с.

Шагов 2019 — *Шагов А. Е.* Исторический опыт формирования и укрепления советско-монгольского военно-политического сотрудничества и боевого содружества накануне второй мировой войны // Халхын Голын дайн — 80 жил. Олон улсын эрдэм шинжилгээний хурлын эмхэтгэл (= Боям на Халхин-голе — 80 лет: мат-лы междунар. науч. конф.). Улаанбаатар: ҮБХИС-ийн хэвлэх үйлдвэрт хэвлэв, 2019. С. 182–188.

Юрковский, Сараев 2019 — *Юрковский А. В., Сараев А. В.* Халхин-Гол как урок истории в условиях мировой глобализации: политико-правовой анализ // Халхын Голын дайн — 80 жил. Олон улсын эрдэм шинжилгээний хурлын эмхэтгэл (= Боям на Халхин-голе — 80 лет: мат-лы междунар. науч. конф.). Улаанбаатар: ҮБХИС-ийн хэвлэх үйлдвэрт хэвлэв, 2019. С. 203–207.